

Созвучие

ПЕСНЯ СТРАННИКА

Не вините меня. Мимо этой земли,
Мимо Индии, мимо Америк
Уплывают в мечту бригантны мои,
Чуя где-то таинственный берег.

Не спешите за мной. Этот путь не по
вам,
Дальний берег загадками полон.
Если буря настигнет – по вашим
костям
Не споет панихид даже ворон.

Мне ж дорога одна. Я поверил в нее,
Диким чайкам доверившись слепо, –
К тихим бухтам, что светом полны
до краев,
На сияющий берег Неба.

*Валерий Линкевич,
Андреаполь*

* * *

Мне хочется забыться,
Уйти на пять минут.
Так в небе заблудиться,
Что больше не найдут.

Уйти туда, где не был
Бездумный человек.
И слушать только небо
Да шум прозрачных рек.

От ветерка проснувшись,
Качнётся море трав.
В нём солнце, улыбнувшись,
Забудет свой рукав.

Но я проснусь. С улыбкой
Узнав знакомый звон,
Прозрачной тонкой ниткой
Свяжу я жизнь и сон.

*Юлия Рыжова,
п. Бологово,
Андреапольский район*

Так озаглавили свою встречу с андреапольским читателем нелидовские творцы: поэт Игорь Столяров и автор-исполнитель песен Елена Калашникова.

Игорь в нашем городе знаком любителям книги, бывал здесь не раз, представлял свои стихи среди других гостей. Но собственный творческий вечер в нашей библиотеке состоялся у него впервые. У андреапольцев в этот раз была возможность ближе познакомиться с ним самим и с его творчеством.

По профессии Столяров – экономист. Кроме того, освоил в совершенстве английский язык. Освоился и в поэтическом творчестве: начав с уровня самодеятельного поэта, к сегодняшним дням перешел на уровень крепкого профессионала. Он автор трёх поэтических сборников, член Содружества литераторов Верхневолжья и Тверского содружества писателей. Участник многих литературных фестивалей за пределами Тверской области. В его стихах сочетаются глубокий ум, тонкая душа и отзывчивое сердце, а кроме того кропотливый труд: работа над техникой стихосложения.

Елена Калашникова – учитель начальных классов по профессии, но судь-

ба сложилась так, что она многие годы зарабатывала на хлеб физическим трудом. Когда повзрослели дети, у нее появилось время для занятия творчеством. Рифмовала строки Елена и раньше, но последние три года стала подбирать к своим стихам мелодии. Геннадий Ильин, нелидовский музыкант, помог записать несколько её песен в своей аранжировке. Елена стала показывать свои песни на различных поэтических встречах.

Как творческий дуэт Лена с Игорем выступили впервые в нашей библиотеке в этот раз. И сразу удачно.

– Я думал, вы уже все города объездили в таком составе, – заметил удивлённо, узнав о своеобразном творческом дебюте, один из слушателей на встрече.

Довольными остались и остальные присутствующие. Осталось пожелать им дальнейших творческих успехов и удач. У Игоря Столярова есть такие строки:

*Мне и нынче не до точки.
Звенья-строчки на листочке
Прибывают и пребудут...*

Пусть и дальше прибывают его светлые строчки, как и множатся песни Елены.

М. Петрова

Владимир Новиков,
(1954 – 2017)

В марте этого года ему исполнилось бы 65. Стихи они, трое друзей-одноклассников, стали писать под влиянием музыки «Битлз», – это были русские тексты на мелодии ливерпульцев. Потом тематика расширилась.

При жизни стихи Владимира публиковали мало. После его ухода первую подборку для публикации в газете «Двинский бережок» подготовил один из друзей: Пётр Бобунов, сам уже смертельно больной. Эту, юбилейную, – Святослав Кетлеров. Фото, сохранённое Кетлеровым, сделано тоже Петром Бобуновым.

* * *

Скрипит мороз под валенком –
Я в море белизны
Шагаю по проталинкам
Начавшейся весны.
Какое утро чудное!
Какой кругом простор!
И солнце изумрудное
На небе голубом!
И ели синеватые,
И облачко вверху,
Следы замысловатые
В искрящемся снегу.
Скрипит ледок под валенком –
Вокруг алмазный свет!
И сердце в упоении
Ритм весны берет!

* * *

Открыл окно, и предо мной
Предстал октябрь багряный.
Кусочек неба голубой
Беседовал с поляной.
Журчал печально ручеек
За обнаженным садом,
Но сердце билось моё
От малости наряда.
Последний плод упал в росу,
Простившись, оторвался...
И тут же выронил слезу
И молча разрыдался...

* * *

Рассвет малиновый
За речкой розовой.
Простор рябиновый
С дождями – грозами.
Иду по лужицам,
Травой пробившейся.
Сознание кружится,
Кричит родившийся.
Пора весенняя
Живёт посевами.
Моё спасение –
Поля с напевами.

* * *

Ем я как-то супчик,
Перед ним стаканчик.
Глядь – в супу голубчик –
Чёрный тараканчик.
Я его на ложку,
Чувствую, – тошнит.
Тот задрогал ножкой,
Усом шевелит.

Приоткрыл вдруг ротик,
Приоткрыл, и что ж –
Пискнул идиотик –
Много, братец, пьёшь.

* * *

Три гвоздики, три алых цветка
Загляделись в часы наклонённые,
Ужасаясь, как жизнь коротка,
Понимая, – вот-вот будут сорваны.

Успокойтесь, напрасен испуг,
Это руки мои безобидные.
Всем цветам и растениям я друг,
Вашей жизни волшебной завидую.

* * *

Качаются осинки
На лёгком ветерке,
Шагаю по тропинке
С корзинкою в руке.
Тропинка полем вьётся,
А дальше вдоль реки.

В корзинке ножик бьётся,
Шаги мои легки.
А вот и мост висячий,
Руины на холме.
Красиво, но удача
Из леса светит мне.

* * *

Племяншу Владику.

Ну, что же, давайте жить дальше
Начальники, я, мастера, –
Вчера на заре юный мальчик
Весну встретил звонким УРА!

Он видел, что нам не увидеть,
Он видел начало начал.
Мы спали. Он в лёгкой обиде,
Бессильный пред нами кричал.
Кружились зелёные вихри,
Звенели ручьи и птенцы.
Он так ликовал! А мы дрыхли.
Да здравствуют эти юнцы!

* * *

Старая пожня-поженья,
Детства чудной уголок.
Мною давно исхожена
Вдоль ты и поперек.
Сколько ты игр видела,
Детских забав и шалостей?
Разве кого обидела?
Нет, никого до старости.
Летом всегда зелёная,
В мае в пуху тополиновом,
Осенью грустью ты полная,
Зимой под сугробом малиновым.
Ты мне такую запомнилась,
В сердце моё впиталась
Ласковой, нежной до скромности,
В нём навсегда осталась...
Старая, добрая поженья,
Будешь всегда молодою...
Много детей нарожено –
Детство для них за тобою.

* * *

За оградой поле,
А за полем лес.
Помнишь, как с тобою
Бегали мы здесь?
Помнишь, как дожждаться
Лета не могли?
Помнишь, как весною
Костерки мы жгли?
Чуть ли не рыдали,
Чувствуя весну,
Днями пропадали
В солнечном плену.
Всё. Промчалось детство.
Юность – словно миг...
Ты не мне невеста,
Я не твой жених...

Любовь к опере

Дарья Гребенщикова,
Торопецкий р-н

Генриетта Хить, миловидная певчиха с хорошим, грудным меццо-сопрано, тонкая в талии и уверенная в бедрах, предпочитавшая индиго джинсовки черному бархату платьев, обнажавших розовые, покатые плечи, родила сына. Беременность настигла ее как раз за разучиванием партии Флоры Бервуа, и сына ждало нелегкое для русского уха имя Джузеппе. В честь Верди. Впрочем, отец ребенка, неизвестный миру композитор-отшельник, сотрясающий подмосковное Кратово мощными аккордами фортепиано, неожиданно воспротивился. Сына назвали Никитой к обоюдному неудовольствию родителей. Мальчик родился такой хорошенький, ладный, смуглый и с ресницами такой длины, что композитор возгордился, сочетал себя браком с Генриеттой и ушел писать «обезьянью» музыку для молодежного кинематографа. Разбогатев, бросил Генриетту с сыном и женился на вдове песенника, неумоимо молодящейся особе, стриженной под мальчика. Игры в теннис отвлекли его от разочарований, коими непременно страдают отцы, видя, как растет их чадо, неверно воспитываемое безалаберной матерью.

Генриетта продолжала петь, где только возможно. Она даже бралась аккомпанировать и вести уроки вокала частным порядком. Всему этому чрезвычайно мешал юный Никита с длинными ресницами. К пяти годам он уже научился выжимать из надушенных хористок, заключавших его в тесный круг своими юбками, не только восхищенные «ах, какой прелестный мальчик», но и более существенные дивиденды, как то — шоколадные конфеты, пирожное «Прага», тонко нарезанный, розовый на просвет сервелат, и иногда — даже пиво. К шести годам отпрыск окончательно разнуздан, щипал солисток за окорочные бока или отпарывал крючки с французских застежек. Генриетта, сотрясаясь от рыданий, решила отдать Никиту в школу-интернат для детей одаренных родителей, но, по счастью, подвернулась милейшая Машенька, костюмерша женской половины. Принимая в кулисах на руки широкополую шляпу с отгрызленным молью пером, она прошептала Генриетте — давайте, я присмотрю за мальчиком? И с этого дня Никита поселился в громадной костюмерной оперного театра. На самом верху, почти под крышей, колыхались, сея пыльно-звездчатый дождь, костюмы изумительной красоты. На вешалах, имеющих колесики для удобства движения, юный проказник катался с гиканьем и свистом. Пока чудная, нежная Машенька обдавала водой из пульверизатора кружевные сорочки и пришивала крошечные пуговицы к лифу, она — пела. Все, что транслировалось со сцены. Партии мужские и женские. Хоры. Она даже пропевала инструментальные партии! Никита сначала морщился. Потом громко орал, визжал и топал ногами, валился на пол, поднимая вертикальные столбики пыли, подобной серому пуху, а потом — запел вместе с Машей. Чудный детский алыт звучал неправдоподобно чисто, как будто взмывая,

уносясь под крышу театра.

Генриетта Хить, странствуя по городам, не обозначенным на карте России, была спокойна за сына. Отец давно бы забыл о Никите, если бы не ставшая женою вдова песенника — она, сердобольная и бездетная, щедро помогала нежной крошке. Когда пришла пора школы, Никиту от Маши забрали. На прощание, когда они сидели вдвоем при едва мерцающих лампах дневного света, Маша, стараясь не зарыдать в голос, протянула ему на ладони крошечный брелок-глобус. Глобус был разноцветным, дешевеньким — пластиковый, со вставочками-стразами. Вот, посмотри, — сказала Маша — эти звездочки — города, в которых ты будешь петь! Рим, Париж, Милан, Берлин — и тебе будут аплодировать слушатели и будут кричать — бис! Никита! Но я петь не умею, мальчишка уткнулся в Машин синий халатик. М-а-а-а-а-ша, не отдавай меня, я тебя так люблю...

Машенька все еще работала в театре. И все еще — костюмершей. Она не вышла замуж, не родила ребенка, случайные любви оставляли свои печальные следы на лице, но она по-прежнему пела, когда отглаживала испачканные гримом кружевные воротнички. В это вечер она смотрела «Травиату» по Культуре. Венский филармонический оркестр, шикарный состав, изумительные декорации — замок, под открытым небом! Публика сидела в парке, вспыхивали огоньки, видно было, как вечерний ветер шевелит кроны дубов. На поклон выходили все, Маша утирала от глаза — как хорошо, какие голоса, ах... И вдруг — крупным планом — исполнитель роли Альфреда, красавец-тенор подмигнул в камеру, извлек что-то из кармана жилетки — и на ладони оказался маленький глобус со стразами-звездочками. Альфред послал воздушный поцелуй, сжал ладонь и приложил палец к губам.

Дерево поэтов

Есть на востоке Дерево поэтов –
Баньян, дающий тень за веком век.
Поэты собирались в месте этом
Читать стихи десяткам человек.

Но все поэты рано или поздно
Приходят в сад небесный, белый
сад.

Там дерево поэтов с кроной
звёздной
И рифмы совершенные звучат.

Поэтов души там листают книги
И каждый продолжает чей-то стих.
Они забыли горе и интриги
И глас непонимания затих.

Поэты, знамениты и безвестны,
Равны перед Творцом в саду Небес,
Они поют возвышенные песни
Из вечных, чистых, неземных
словес.

*Мария Парамонова,
Тверь*

* * *

В красном свете фонаря
Блеск медовый янтаря –
Непридуманная сказка
Про дыханье октября.

Белый рыцарь, Лисий Принц
Спят под пологом страниц.
Слышат вкрадчивые песни
Поднебесных колесниц.

В тёмной чаще за холмом
Замер старый серый дом.
В этом доме ходит кто-то
С длинным огненным хвостом.

Сказки дремлют в сундуке.
Чёрный Заяц на пенёчке
Нам играет песню ночи
На прозрачном стебельке.

*Мария Миронова,
Тверь*

СТРАХИ

Вспоминаю времена, когда я го-
тов был написать песню, припев к
которой стал бы таким:

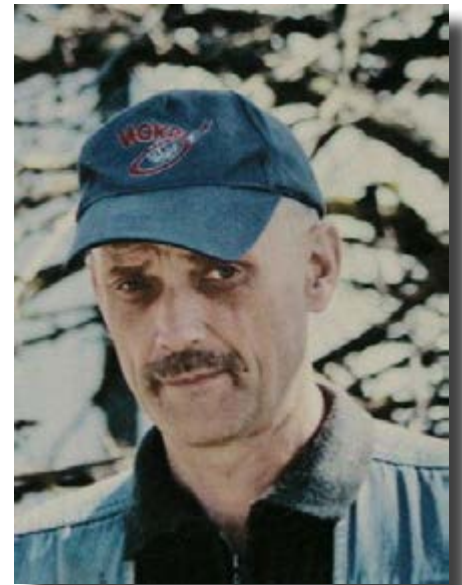
Я боюсь быть трусом.
И боюсь быть гнусным,
Но я этого стыжусь,
Потому, что я боюсь...

Насколько велика сила страха, я
знал с детства. Казалось бы, велоси-
пед слегка наклонен в одну сторону,
испуганный взгляд в другую – не-
ведомая сила преодолевает точку
равновесия и валит меня вместе с
велосипедом в самом страшном на-
правлении вопреки законам физи-
ки...

Это я отчетливо вспомнил, когда
под колеса моей «Явы» чуть не вле-
тел юный велосипедист. Мы оста-
новились в полуметре под углом в
45 градусов. Мальчик был напуган.
Велосипед и мотоцикл стояли «ло-
дочкой», наклоненные в разные сто-
роны. Мальчишка смотрел на колесо
«Явы», и я невольно вспомнил дет-
ские переживания – «велик», пере-
валив через вертикаль, стал подать
именно к переднему колесу! Исто-
рия завершилась медленным па-
дением и обоюдным недоумением:
почему?

Во время создания книги я не-
вольно вернулся к этой теме: три
удара молотком по одному паль-
цу за одну смену механика – очень
много! И каждый раз траектория
полета молотка, предвосхищенная
опасением за палец, смещалась в
неприятную сторону на 3-5 санти-
метров... Ответ из Тибета: "...на про-
тяжении всей жизни ты должен пре-
достерегать всех, интересующихся
окультизмом, что ЕДИНСТВЕННОЕ,
ЧЕГО НАДО БОЯТЬСЯ, – это страх. Он
способствует появлению нежела-
тельных мыслей и сущностей, даже
начинает управлять человеком... Из-
бавляясь от него, мы становимся гу-
маннее сами и делаем гуманнее мир.
Именно страх становится причиной
войн, сеет распри в мире, заставля-
ет человека поднять руку на своего
ближнего. Страх и только страх яв-
ляется нашим врагом, и если мы су-
меем отбросить страх раз и навсегда,
тогда – поверь мне – больше нечего
будет бояться». (Л. Рампа, «Пещеры
древних», стр.116).

Наверное, практичнее говорить

Святослав Кетлеров,
г. Нелидово

об опасениях, когда опасности могут
предвидеться, но всё дело во внезап-
ностях, когда требуется мгновенное
опережение страха... Страх – шоки-
рующее бессилие, когда в вашем
воображении давно готов образ все-
сильного врага.

КАРМАГЕДДОН

Эта история случилась лет трид-
цать назад. Среднестатистический
скромный советский труженик
возвращался с работы. Мясо грело
его живот не только изнутри. Под
рубашкой была замаскирована вы-
резка, плотно привязанная к живой
плоти. Возле павильона «Охотник»
к нему пристал ещё не среднестати-
стический алкоголик:

– Мужик! Дай на рюмку!
– Нету, друг, с работы я.
– Дай на 100 грамм!
– Нет, дружище, были б деньги –
не пожалел бы.

– Ну, тогда и я тебя не пожалею!
Удар ножом в живот был парали-
зующе страшным. Один упал. Другой
убежал. Можно было бы придумать
всё, вплоть до выхода в астрал, но
мне это было рассказано как одно-
ложное чудо. Когда «мужик» пришел
в себя, оказалось, что мясо животно-
го спасло его, быть может, от смерти,
агрессора – от греха убийства...

Маленький парадокс судьбы-кар-
мы...

ПОИГРАЛИ

Наталья Шабанова,
г. Андреаполь

Картошка всходила дружно. Уже просматривались ровные бороздки отливающей изумрудом молодой ботвы.

– Теперь бы только не запустить, не дать вездесущим сорнякам заглушить эти бархатистые побеги. Да миловал бы Господь от полчищ колорадских разбойников, нештучное дело воевать с ними. Прожорливы и живучи черти, не гляди что малышки. Авось, пронесёт, будет тогда что собирать к осени, – так думала Маруся, занимаясь привычной работой – рыхлением и прополкой драгоценной кормилицы.

Работа ладилась. Земля была податлива, от неё исходил парок после тёплого дождя. В воздухе благодатно пахло еловой хвойкой, это от больших ёлок, что растут вдоль забора, посажены ещё при барине, это он высадил их целую дюжину и выстроил теперешний Марусин дом. Ёлки эти приметны издали, красавицы вымахали, чуть не в небо упираются.

Вплетается в этот еловый аромат и сладко-медовый запах разнотравья, так буйно разгулявшегося на меже.

Руки делали, голова отдыхала,

наслаждаясь тишиной и покоем, тем непередаваемым восторгом, который витал в майском воздухе, проникал под кожу и делал человека необыкновенно счастливым.

Именно в тот момент, когда душа Маруси парила, упивалась красотой окружающего мира, откуда-то со стороны сарая или уборной донеслись вопли, возможно даже плач, кто-то где-то царапался и шумел.

Маруся напрягла слух и поняла, что это что-то происходит в уборной (в городе это туалет, а в деревне – уборная). Что же это может быть? Тут женщина вспомнила, что во дворе совсем недавно играли дети: её Наташка и соседкины Саша и Томка. Играли в прятки, куда-то хоронились, галдели, пропадали, а потом появлялись снова. Особенно громко слышался их визг, когда неожиданно налетал петух и норовил клюнуть, по возможности, в макушку. Или же преследовал нахотленный важный индюк. Это ребятишек раззадоривало, и тогда повсюду был слышен их неподдельный звонкий смех.

То ли Маруся отвлеклась, то ли дети вели себя не так громко, но она не услышала и не заметила, когда, прячась от водящего Сашки, Натка и Томка оказались в уборной.

А дальше всё произошло моментально быстро. Девочки решили закрыться на крючок и притаиться, но крючок, к их несчастью, находился высоко, до него надо было как-то дотянуться. Натка приподнялась на выступ, а Томка должна была поддерживать её сзади, где и находилась злосчастная дыра. Сашка приближался, слышен был топот его сандалий, девочки спешили. Вот тут-то Томка и оступилась, сразу угодив в отвратительный проём. Она медленно погружалась в дерьмо.

А что же Натка? А Натка вместо того, чтобы спасти подружку, насмерть перепугавшись, побежала прятаться в кладовку. Сашка метнулся в другую сторону. Томка со своей бедой осталась наедине. Её

вопли и услышала Мария, к счастью, оказавшаяся невдалеке. А то неизвестно, какой конец был бы у этой истории.

Маруся появилась в тот момент, когда Томка по самые уши была в г... (ну, вы сами понимаете). Её нарядное горошистое платье капитально поменяло цвет. Даже бант успел приобрести несвойственный ему оттенок. А запах! Фу, не будем об этом.

– Ох уж эти детки! – только и смогла вымолвить Маруся и тут же принялась спасать неразумное дитя. – Шестилетние, что с них возьмёшь!

Неглубокая речонка протекала внизу, буквально в десятке метров от огорода, из неё в жаркую пору вёдрами таскали воду на полив. Но сейчас ещё май, вода не прогрелась. Другого выбора не было, и Маруся притащила зарёванную вонючую Томку на кладку. Взяв за обе руки, принялась полоскать её, как бельё. Когда девочка стала похожа на девочку, Маруся притащила бедняжку домой, быстренько передела, укутала в бабушкину тужурку и усадила пить чай с малиновым вареньем. На щеках присмирившей Томки появился здоровый румянец.

А что же Натка? Она, как мышка-норушка, тряслась в кладовке и боялась попасться кому-либо на глаза.

Маруся, убедившись, что Томе ничего не угрожает, принялась искать Натку.

Когда дочка выдала себя всхлипами и появилась с опущенными вздрагивающими плечами из-за большого ящика с солью и спичками, Маруся усмирила свой гнев и не стала сразу ругать дочку за предательство. Она тихонько приобняла Натку и очень серьёзно сказала:

– Мы поговорим с тобой чуть позже. Беги к Томке, обними её.

Состоявшийся в дальнейшем разговор запомнился Натке надолго.

ВО ДВОРЕ ВИТАЮТ СЛУХИ

Во дворе витают слухи
Через грохот домино,
Что художники от «худо»,
А поэты от «вино».
Обобщать – лихое дело,
Мол, художники – враги
Человеческой природы,
Все поэты – дураки.
В человеческой природе
Всё цинично и грешно,
А природа, как невеста, –
Крикнут: «рыба» – решено!
Но поэты возражают:
Естество не без греха, –
Как рождается весною
Вся сирень да черемха?
Отстучали кости в полночь
Под вино да анекдот,
В коем скрыта правда жизни:
Критик – умный идиот...

*Юрий Назаров,
Осташков*

* * *

...Нет меня. Нет тебя. Мы – не явь,
мы – мираж.
Наше время похоже на странный
коллаж.
И не долгов наш путь: два шага. Два
шага!
Но протянутых рук не находит рука.

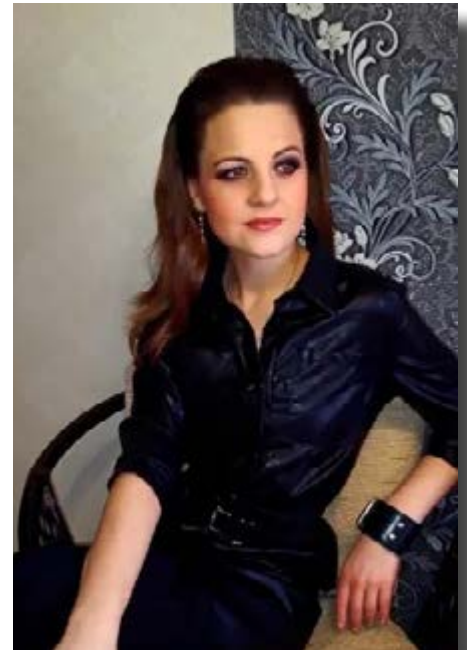
*Юрий Смирнов,
Любино – Торжок – Маслово*

ЕЩЕ ОДИН ЗАТЯЖНОЙ СОН

И в песочных часах исчезают
года... Один, второй... А ты так и не
сменила черные одежды на платья
цветочные. Я давно не писал пи-
сем тебе, моя грустная римлянка.
На небе дел накопилось много. Вот
сейчас помогаем весне. Расчищаем
от надоедливой зимы дорогу. Хотя
зима ли это? Или еще один затяжной
сон? Теперь один Бог только знает.

А я знаю одно. Я так же по тебе
замерзаю. Но ты знаешь, моя страст-
ная необходимость. Наверное, я все
же становлюсь здесь лучше, как на
Земле бы никогда не смог. И Бог го-
ворит, что молитва моя все усерднее.
Он теперь при встрече подает мне
руку. Правда, не скрою от тебя, сей-
час, когда дело идет к весне, я слов-
но еще раз смерть свою проживаю.
Хочется почувствовать этот запах
вновь просыпающейся природы. И
грудь от тоски по дому разрывает.
Хоть и снежный покров не лежал ле-
бязьим одеялом, а лишь легким по-
крывалом напоминал, что на земле
люди зимуют, гриппуют и конечно,
как всегда, ничего не замечают.

А мне бы сейчас в мой дом. От-
мыть от греха каждый угол. Я бы на
этой неделе напек блинов. И мне бы,
как раньше, за стол к своей маме.
Хотя зачем я тебе пишу это? Сам
не знаю. Наверное, я чуть больше
обычного в тебе нуждаюсь. В твой
последний приход ты с меня счита-
ла всю тоску, которая видна даже на
фотографии. Ты прости меня. Я про-
сто, как и раньше, не умею иначе. Я

Алина Че,
г. Андреаполь

просто еще больше скучаю. Словно
каждый день в ожидании весны я
погибаю. Ведь эта весна теперь бу-
дет так же пуста. Руки мои искале-
ченные не тронет мягкость вербы.
Серебряные ручки не освежат кожу.
Я не почувствую больше запаха вес-
ны на твоей еще молодой коже. Ска-
зать это больно. Увы, я сокру тебе,
моя нечаянная радость. Для меня не
чувствовать нашей весны - еще один
круг по Данте.

Внимание: КОНКУРС!

*Газета «Западный форпост» объявляет конкурс короткого рассказа,
начинающегося фразой: «Вася пил уже трое суток...».*

Дальше каждый автор развивает мысль сообразно со своей фантазией. Заголовок тоже авторский. Рассказы мо-
гут быть как юмористическими, так и лирическими или фантастическими. В выборе жанра не ограничиваем.

Таким образом мы выразим наше отношение к существующей, к сожалению, проблеме.

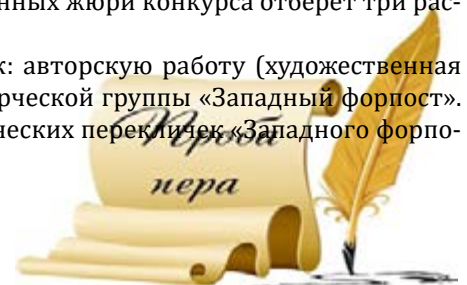
Размер текста не должен превышать двух вордовских страниц шрифтом Times New Roman 12 кеглем.

Материалы присылать можно уже сейчас по электронному адресу: petrowa-rita-margarita@ya.ru или stolerov@yandex.ru. Приём рассказов завершается 30 сентября 2020 года. Лучшие рассказы будут публиковаться по мере поступления в газете «Западный форпост», а в октябре из числа опубликованных жюри конкурса отберёт три рас-
сказа-победителя. Произведения членов жюри публикуются вне конкурса.

Победитель (первое место) в качестве приза получит памятный подарок: авторскую работу (художественная
роспись по стеклу) Светланы Большенковой – поэта, журналиста, члена творческой группы «Западный форпост». Авторы рассказов, занявших второе и третье место, получают сборник поэтических переключек «Западного форпо-
ста» под названием «В бессонные ночи затейливы строчки».

Члены жюри конкурса:

**М. Петрова – председатель,
С. Виноградова,
И. Столяров.**

Владимир Юринов,
г. Андреаполь

Пискнул сигнал, и в углу экрана всплыло сообщение.

Отправитель – Артур:

«Время кидать камни и время их подбирать. Извини но походу ничего у нас с тобой не получится. Ты классная и мне с тобой было хорошо. В постели ты вообще супер! Но пойми мне надо чего-то большего. Если хочешь можем остаться друзьями. Пока».

Аня почувствовала, что из-под неё выбили планету. Сразу онемело лицо и стали ватными ноги. Аня прижала ладошки к щекам и всхлинула. Экран расплылся.

Они встречались с Артуром уже почти год. Встречались регулярно. Последние несколько месяцев Аня вообще ездила в его холостяцкую «однушку», в Одинцово, чуть ли не как на работу – понедельник, среда, пятница, – в эти дни, а точнее, ночи Артур был свободен. Вот и сегодня, в пятницу, она вечером собиралась к нему. И тут такое!

Аня была от Артура без ума. Высокий, атлетичный, всегда элегантно одетый, Артур нравился женщинам. Аня это видела. И ей льстило, что среди всех московских женщин Артур выбрал именно её – далеко не

Сообщение

самую красивую и, наверное, не самую умную. Да и не богатую. Какое уж тут богатство! Мать – провизор в аптеке, а отца своего Аня уже и не помнила. Так что выбрал её Артур явно не из-за богатого приданого.

Кем был сам Артур, Аня точно не знала. Он о своей работе старался не говорить, иногда только из его намёков можно было понять, что он сотрудник каких-то там силовых структур. Ане, по большому счёту, это было всё равно. Главное, что Артур её тоже любил. Конечно, любил! Он ведь сам столько раз говорил ей об этом! Называл единственной! Несравненной! Они и о свадьбе уже много раз говорили. Правда, свадьба всё время как-то откладывалась. Находились у Артура для этого разные веские причины. Аня вспомнила, как в прошлый свой приезд, в среду, после ужина, который она, как обычно, заботливо привезла с собой, они, прежде чем заняться любовью, целый час рассматривали каталог свадебных нарядов, выбирая платье для Ани и костюм для Артура. Целуя её, Артур прозрачно намекал, что, мол, возможно, уже этим летом... Возможно, всё возможно... Ах, Артур, Артур!.. Аня опять всхлинула и чуть не зарыдала в голос.

Снова пискнул сигнал. Аня торопливо смахнула мешавшие читать сообщение слёзы.

Отправитель – Артур:

«Прости прости это не тебе!!! Перепутал прости!!! Люблю целую ЖДУ!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!».

У Ани заполохали щёки. Господи! Так это он не ей! Он просто перепутал! Это ведь так просто – перепутать адресата! С ней самой столько раз бывало такое! Артур! Милый, милый Артур! Он ждёт её! Любимый! А сообщение это дурацкое, это не ей! Это – кому-то другому! Точнее, – другой! Это...

ЧТО?!!!!.

* * *

Я дарю тебе солнце в букете тюльпанов,
Потому что зима отбыла без него,
И весна к нам без солнца пришла, как ни странно,
Пусть тюльпаны мои нам напомнят его!

За окном нудный дождь по карнизу грохочет,
Небо в завеси серой – лучам не пробить,
Но пытается солнце, поздравить нас хочет –
В первый праздник весны женщин повеселить!

Если даже ему не удастся сквозь тучи
Нам послать свой ПРИВЕТ, всё равно – не беда:
Этот жёлтый тюльпан, словно солнышка лучик,
Пусть его заменяет хотя б иногда.

*Лариса Иванова,
Торопец*

* * *

Громадный тополь рад, что дожид до весны.
Пьянит угрюмого щепоточка тепла.
Хотя трава под слоем грязи видит сны.
Хотя зима еще на север не ушла.

Ветвями машет исполин, пугая сон.
На лужах льдинки растворяют утром свет.
Что завтра – вьюга, шанс один на миллион.
А у зимы остаться вовсе шансов нет.

Вечерний ветер встрепенулся и затих.
Цвет глаз твоих увидит только визави.
Нам до рассвета точно хватит на двоих
Полрюмки счастья и полгорсточки любви.

*Иван Кирпичёв,
Нелидово*

ВСЮ НОЧЬ

Кого мы любим, тех и обижаем.
И не спешим шептать, что обожаем,
И целовать, залечивая шрамы
Телесные, душевные. И драмы
Из прошлых жизней вновь не бередить.

Но вылетит нечаянное слово,
Зубною болью отзовется снова.
И зазнобит до сумеречной дрожи
Того, кто в этом мире всех дороже.

Пошлёт луна, на нас взирая строже,
Поврозь по гулким комнатам бродить.

*Маргарита Петрова,
Андреаполь*

Женщина, ваше величество...

* * *

Застыл жучок на замершей
соломинке,
Макнуло солнце в воду круглый бок,
Сомлел закат над озером Соломено,
А вечер дорисовывал лубок.

В нём всё на месте, празднично,
торжественно.
Естественна в природной простоте
Божественно вступала в воду
женщина
В прекрасной, невозможной нагоде.

*Маргарита Петрова,
Андреаполь*

* * *

Взгляд положил на красивую
женщину,
Взгляд в красоту утонул,
Жаль, не успел я любовью ожечь ее,
Вмиг растворилась в дыму
Жизни, бегущей в пространстве и
времени,
Где-то в пределах иных,
Память и та через миг не уверена,
Но не смогла отменить
Это взорвавшее сердце видение,
Действо не сна, не мечты,
Не на мгновение мной овладело,
Тут же мне начало мстить
За неуспение и нерешительность,
За несвершение судьбы,
И наградило такими ошибками,
Не искупить, не забыть,
Разве что в вечно продлившемся
поиске
Той, что привиделась мне,
Жизнь положить, но все боязно,
боязно,
Что покорюсь я вине.

*Александр Коган,
Бежецк*

ОНА

Она – провинциалка
Шагает по стране,
Мечтая искупаться
В волнах Па де Кале, –
Качаться обнажённой
Счастливой пузом вверх,
Чтоб солнце обогрело
Нетронутый орех.
Неся без задней мысли
Девичий сладкий вздор,
Она так увлечённо
Малюет свой забор:
Штакетник весь в ромашках
Давно уже расцвёл,
И бабочки порхают,
Садясь на частокол.
А за забором слышен
Уже залива гул,
И челюстей смыканье

Коралловых акул.
Любовь сильнее тына;
И голос вдальке
Уже взалёб смеётся
В волнах Па де Кале!

*Юрий Назаров,
Осташков*

СТАРАЯ ПЕСНЯ НА НОВЫЙ ЛАД

Оцифрована, зашифрована,
на особом файле отмечена,
антивирусно защищённая,
виртуальная моя женщина.

Не весёлая, не печальная,
и тем более не сумасшедшая,
ты звезда моя сериальная,
с порносайта будто сошедшая.

Увлечённый твоими данными,
раздвоеньем терзаю душу я:
то сравню с Ковальчук тебя Анною,
то – что круче – с Собчачкою
Ксюшею.

По натуре я сволочь редкая
и к тому же ехидно-пошлая.
Но, хотя и влюблён был крепко я, –
ты поярче подруги прошлого.

Неуёмна, как цены бензиновые,
по потребностям бочка бездонная,
та была, похоже, резиновая,
хотя типа супруга законная.

Но тобою, а вовсе не предками,
свою душу большую вылечу.
Вот сейчас оберну нимфеткою,
а когда надоешь – выключу.

Не печалься, ведь всё уляжется.
Как стихи мои позабудется.
Ты ведь умница и красавица,
хотя мне это только чудится.

*Михаил Никоноров,
Андреаполь*

* * *

Из распахнутых окон –
Домашний уют,
А под окнами кокон
Осы быстрые вьют.
Позабудем про убыль
И печаль отметём,
Нашей юности удаль
Мы проводим вдвоём.
Город пахнет бензином
И весенним дождём.
Вдоль слепых магазинов
Молча рядом пойдём.
Нет роднее и ближе
На земле никого,
Ветер капельку слижет

С лица твоего.
К чёрту сплетни и путы
Романтической лжи!
Этой малой минуты
Нет важнее для души.
Может, всё, что осталось,
Для чего родились, –
Эта милая малость,
Эта краткая жизнь.

*Юрий Смирнов,
Любино – Торжок – Маслово*

ЧТО ЕСТЬ ЛЮБОВЬ?

Что есть любовь?..
Желание прильнуть?
Сердечный стук, подпрыгнувший до
горла?
Иль – по-хозяйски: ласково, но
гордо –
твоя рука, ласкающая грудь?..

Что есть любовь?..
Припрятанный алмаз?
Потребность трепетать за взгляд, за
малость?
И нежность?
И печаль?
И благодарность?
И благодарность до горячих глаз?..

Что есть любовь?..
Не знаю... Не скажу..
С тобою столь надёжно и привычно,
что, если вдруг и – без,
то – безразлично:
лежу, хожу, дышу иль не дышу..
Ночь без тебя настолько не согреть,
и всякий день тобой настолько
светел,
что, если ты посмеешь умереть, –
я не прощу тебя до самой смерти.

*Владимир Юринов,
Андреаполь*

* * *

Звоню, чтоб только голос твой
услышать.
Мне всё равно о чём мы говорим.
Воркуют рядом голуби на крыше,
И каждый этот миг не повторим.

Неповторим! Ах, как ты улыбнулась.
Нахмурилась. И снова расцвела.
Ко мне как будто молодость
вернулась.
Она как будто вызова ждала.

Ждала и вот пробилась сквозь
метели,
Забытым жаром душу опалив.
Но голуби куда-то улетели,
И в нашей песне – краденый мотив.

*Фёдор Чибисов,
Нелидово*